

«Больше всего на свете мне нравится

побеждать»

Мария Шарапова — о своем детстве, работе на американском телевидении во время сочинской Олимпиады и опыте модельера

В начале июня российская теннисистка Мария ШАРАПОВА подтвердила репутацию одной из самых успешных и знаменитых спортсменок мира. Выиграв Открытый чемпионат Франции, она расширила свою коллекцию побед на турнирах серии «Большого шлема» до пяти титулов. Спецкор журнала «Мир и политика» Владимир РАУШ не просто стал свидетелем триумфального пути Шараповой по парижским грунтовым кортам, но и взял эксклюзивное интервью, поговорив о ее детских годах, поездке в Чернобыль и отношении к политике.

«Мир и политика»: Маша, несколько лет назад из-за хронической травмы плеча Вы пережили стремительное падение в рейтинге. Приходила ли Вам в голову мысль, что на прежнюю высоту уже не подняться?

Мария Шарапова: Не буду скрывать, мысли были всякие. Правда, большой поддержкой для меня стали слова врачей, что больное плечо и спину можно вылечить. Поэтому я согласилась на все процедуры, которые мне рекомендовали, — операцию, долгую реабилитацию, монотонные упражнения по укреплению мышц. Периодически они начинали надоедать, и тогда я думала: «Зачем тебе это? В мире полно других интересных занятий помимо тенниса!» Но это было так, несерьезно... Что-бы взять и бросить спорт — об этом я не подумала ни разу.

«МП»: Но ведь Вы выиграли все мыслимые титулы, любая победа будет уже повторением. Где находите мотивацию для дальнейших выступлений?

М.Ш.: Теннис для меня и есть жизнь. Фраза может прозвучать банально, но это так. Я люблю играть, люблю тренироваться — все это доставляет мне большое удовольствие. Понимаете, не тяжелую обязанность, а удовольствие. Но больше всего на свете мне нравится побеждать. Это словно наркотик, хотя такое сравнение может прозвучать грубо. Чем больше выигрываешь, тем больше стремишься к новым победам. Я смотрю только вперед, думаю лишь о будущем. В конце концов, я не настолько стара, чтобы жить воспоминаниями (смеется).

«МП»: Ваши слова диссонируют с высказываниями других теннисистов. Например, латыш Эрнест Гулбис говорит, что никогда не отдал бы своих младших сестер в спорт, поскольку это очень тяжелое занятие.

М.Ш.: Все зависит от того, настолько серьезно он это сказал. Вряд ли Гулбис играл бы в теннис, если бы это ему не нравилось. Лично мне спорт дал очень многое — как в жизни, так и в карьере. Иногда задумываешься: где была бы я сейчас, если бы не он? И даже страшно становится. Нет, я не жалею ни об одном своем шаге, связанном с теннисом.

«МП»: Но ведь этот вид спорта связан с большим повторением одних и тех же элементов. Неужели в детстве Вам было интересно раз за разом бить справа или слева?

М.Ш.: Я сейчас вам расскажу, как все это происходило. Когда мне было 10–12 лет, мой наставник в американской теннисной академии Брэнтон каждое утро приходил на тренировку с большой корзиной мячей. И давал указание бить как можно больше и сильнее. Я наносила ударов пятнадцат-

**«Я НАНОСИЛА
УДАРОВ
ПЯТНАДЦАТЬ-
ДВАДЦАТЬ,
ПОТОМ НАЧИНАЛА
УСТАВАТЬ. А ОН
НЕГОДОВАЛ:
«ПОЧЕМУ У
ТЕБЯ РУКА
ТАКАЯ СЛАБАЯ?
ТЫ ДОЛЖНА
ВЫДЕРЖИВАТЬ
РОЗЫГРЫШИ ПО
30–40 МЯЧЕЙ!»
ПОД
АККОМПАНЕМЕНТ
ЭТИХ РЕЧЕЙ
ПРОХОДИЛО
ОДНО ЗАНЯТИЕ
ЗА ДРУГИМ»**

**«В АМЕРИКЕ
ЖЕ НИКТО
НЕ ЗНАЕТ
РУССКУЮ
КУХНЮ. ВОТ МЫ
И ОБЪЯСНЯЛИ,
ЧЕМ ХАЧАПУРИ
ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ
ЧЕБУРЕКА ИЛИ
ЛАВАША»**

ать-двадцать, потом начинала уставать. А он негодовал: «Почему у тебя рука такая слабая? Ты должна выдерживать розыгрыши по 30–40 мячей!» Под аккомпанемент этих речей проходило одно занятие за другим. Я старалась в точности выполнять все указания тренера. Не потому, что боялась его, — просто хотела быть лучше и лучше, побеждать других девочек. И вы знаете, прогресс произошел совершенно незаметно. Все случилось словно само собой, не было ни мук, ни страданий.

«МП»: А как насчет постоянных переездов, которые являются составной частью тенниса? Они Вам тоже по душе?

М.Ш.: Можете мне не верить, но так оно и есть. Я просто не могу усидеть на одном месте. Поездки с турнира на турнир, отели и встречи с новыми людьми составляют мою жизнь уже много-много лет. Это стало уже привычкой, вошло в плоть и кровь. В воскресенье вечером заканчивается турнир, я собираю вещи в гостинице, ужинаю в ресторане и утром лечу на следующие соревнования, которые могут проходить совсем на другом континенте. Скажите: «Никуда ехать не надо, оставайся дома», и через три дня мне станет смертельно скучно.

«МП»: Хочу спросить об одной такой поездке. В феврале, во время зимней Олимпиады в Сочи, Вы работали на американском телеканале NBC. Каким получился этот опыт?

М.Ш.: К сожалению, на Олимпиаде я присутствовала только первую неделю. Потом пришлось вернуться в США, чтобы продолжить подготовку к сезону. Однако воспоминания остались самые яркие. Я очень ждала эти Игры, ведь они проходили в моем родном городе. Я долго не могла поверить, что это действительно случится. Когда в семилетнем возрасте я переехала в Америку, то всем своим знакомым рассказывала про Сочи — какой это замечательный город. И вдруг — трах-бах! — там должна пройти Олимпиада. Просто в голове не укладывалось. А что касается телевидения... У меня довольно большой опыт в этих делах, столько уже интервью раздала. Но теперь я выступала в другом качестве — не интервьюируемой, а интервьюера. Мы делали ежедневную программу про Сочи и Олимпиаду, а я была вроде гида для телезрителей. Показывали город, снимали, например, в цирке или ресторанах. В Америке же никто не знает русскую кухню. Вот мы и объясняли, чем хачапури отличается от чебурека или лаваша.

«МП»: Посещали места, связанные с Вашим детством?

М.Ш.: Да, мы ездили в парк «Ривьера», где я делала свои первые теннисные шаги. Там играл мой отец с отцом Жени Кафельникова, а потом привел

«Я старалась в точности выполнять все указания тренера. Не потому, что боялась его, — просто хотела быть лучше и лучше, побеждать других девочек»

туда и меня. Помню стену на корте, о которую я все время барабанила мячом. Она и сейчас там. Была старая, облупленная, а теперь ее отреставрировали. Украсили моими фотографиями — детской и современной — и расписали граффити.

«МП»: Слышал о другой Вашей поездке, благотворительном визите в Чернобыль. Почему именно туда?

М.Ш.: Мои родители жили недалеко от Чернобыля, в каких-то ста километрах оттуда. Когда произошел взрыв, облако радиоактивной пыли стало приближаться к городу. Родители не хотели уезжать, но вскоре выяснилось, что мама беременна. Это могло быть небезопасно для нас обоих, и тогда родители решили переехать в какое-нибудь экологически чистое место. Так мы оказались в сибирской Нягани, где я и родилась.

«МП»: Родители что-нибудь рассказывали о том времени?

М.Ш.: Это было что-то ужасное. Люди хватали самое необходимое и в панике уезжали куда глаза глядят, лишь бы подальше. Всюду царили паника и хаос... Когда я приехала в Чернобыль, увидела местную больницу и дом культуры, то постаралась представить, как все было тогда. Но это оказалось так страшно, что я быстро передумала. А знаете, что меня больше всего поразило? Местный теннисный центр. Представляете, в Чернобыле есть теннисные корты! Я перечислила определенную сумму на поддержку юношеского спорта в городе и договорилась, что буду и дальше курировать этот центр.

«МП»: Коль скоро мы уж с вами заговорили об Украине... Вы следите за событиями, которые сейчас происходят там?

М.Ш.: Знаете, я не люблю публично говорить о политике. Известных спортсменов часто спрашивают

**«ЕСТЕСТВЕННО
Я В КУРСЕ
ТОГО, ЧТО
ПРОИСХОДИТ
В УКРАИНЕ.
НО
КОММЕНТИРОВАТЬ
ЭТИ СОБЫТИЯ,
ДАВАТЬ
ИМ КАКУЮ-ТО
ОЦЕНКУ
НЕ БУДУ»**

**«ПОЕЗДКИ С
ТУРНИРА НА
ТУРНИР, ОТЕЛИ
И ВСТРЕЧИ
С НОВЫМИ
ЛЮДЬМИ
СОСТАВЛЯЮТ
МОЮ ЖИЗНЬ
УЖЕ МНОГО-
МНОГО ЛЕТ.
ЭТО СТАЛО УЖЕ
ПРИВЫЧКОЙ,
ВОШЛО В ПЛОТЬ
И КРОВЬ»**

об этом, а потом используют их слова для поддержки либо одной, либо другой стороны. Поэтому я скажу так: естественно я в курсе того, что происходит в Украине. Но комментировать эти события, давать им какую-то оценку не буду.

«МП»: Тогда сменим тему: пару лет назад Вы работали над коллекцией обуви вместе с известной фирмой «Коул Хаан». Берете на себя функции модельера или просто даете коллекции свое имя?

М.Ш.: Ну естественно, я не была модельером коллекции. Хотя дел у меня все равно хватало. Я предлагала общий дизайн обуви, иногда рисовала эскизы. Выбирала материал, рекомендовала цвета... В общем, была своеобразным консультантом.

«МП»: О хорошем вкусе хозяйки свидетельствуют и Ваши украшения.

М.Ш.: Натальный крестик подарили родители, когда мне было несколько лет. Он не имеет большой ценности, но дорог мне как память. Зато серьги — от Тиффани, этот бренд я ношу на каждом турнире «Большого шлема». Жаль только, что после соревнований их нужно возвращать. Эти вот — мои любимые, но страшно дорогие. Так что, если честно, возвращать их не очень хочется (смеется).

«МП»: Пару лет назад прогремел еще один ваш бизнес-проект, конфеты «Шугарпова». Почему Вы решили выпускать именно сладости?

М.Ш.: Это как привет из детства. Помню, вскоре после приезда из России в Америку мы с отцом пошли в кино. В фойе кинотеатра продавались жевательные конфеты разной формы и цвета, в нашей стране таких не было. Я долго как завороченная смотрела на них, не решаясь попробовать. Когда возникла идея выпускать кондитерские изделия, я сразу вспомнила тот случай. **МП**